Протоязык

Сбросил наземь багровое лес-трансвестит,
Обнажив бездну чёрных рогуль.
Жду со страхом – быть может, опять просвистит
Метеор, осветив Чебаркуль?

Я сижу на мансарде в посёлке Тотьм*а*.
В октябре звёздный рой падуч.
Но кучкуется за горизонтами тьма
Чёрных стад мериносовых туч.

Озарил яркий всполох гряд*ы* островов.
Дождь куда-то бежит, семеня.
Что же хочет неведомый мне Саваоф
В этот вечер смурной от меня?

Что-то тяжкое вспомнив, вздохнул Аркаим.
В чащах леса трещит кедр.
Слышу, как сопрягается с ритмом моим
Первородный пульсар недр.

Чую боль углекопов в подземье Фусинь
И биенье их нервных узлов.
Вижу бездну глубин и бездонную синь
В неохватной прасущности Слов.

В хвойном море – Байкал, в древних скалах – Иссык.
Мчит спирально наш мир земной.
Понял я, что Поэзия – Протоязык.
Так Господь говорит со мной…

Барак

Внуку Серёженьке

На «travel» ретро-поездами
Мной куплен в прошлое билет –
Иду знакомыми местами,
Где не был 30 с «гаком» лет…

Стоит барак перинатальный,
А в просторечии – «роддом».
И тополёк пирамидальный.
Из гипса лев с беззубым ртом,
Что сторожит у двери входа
С листвой опавшею мешки.
И лезут в окна – год из года –
Хлебнув винишка, мужики.

Я от картин знакомых ожил –
Махнув на свой авторитет,
Кричу себе: «До внука дожил!
И ты, Серёга, нынче – дед!»

Я в нетерпении – в огне –
Ору: «Покажь быстрее, ну-ка!»

Фланелью стянутого внука
Дочь демонстрирует в окне…

ӨФӨ[1]

Моя кровь стала ржавой. Теперь она ферромагнитна –
Меня тянет к металлу. И вовсе не тянет к добру.
Потаённую дверцу в душе своей я отопру,
Чтоб увидеть в пугающем чёрном пространстве огни на
Бесконечно далёком и близком от нас берегу
Речки времени Стикс, что впадает в безвременье Леты.

Недоступны в цене за продление жизни билеты.
За ценой не стою – я готов на любой перекуп.

---

[1] ӨФӨ (башк.) – транскрип. ЕФЕ – УФА

Всё, что было сверх меры отсыпано Вышним, профу...
Мне теперь часто снятся Тартар и горящий детинец.
Я решился всё бросить и срочно уехать в Уфу,
Чтоб пожить там немного в одной из доступных гостиниц...

Расписался я быстро на бланке в последней графе
И стремглав – черепахой – в свой номер. Спасибо Зенонам!
На карнизе моргало страдальчески слово «ѲФѲ»,
В темноте освещая дорогу мертвецким ксеноном.

Мне мерцал, будто дальние звёзды, искусственный свет,
Проходя через мутные стёкла на старом балконе.
На столе три тетрадки и книга – потрёпанный Фет.
И трёхлетний зловонный коньяк в огранённом флаконе.

Я плеснул из флакона на донце напиток хмельной
И его проглотил, заедая полоской лимона.
Вдруг в движенье пришла моей чёрной изнанки флегмона,
Сквозь каверны исторгнув наружу скопившийся гной.
И, воспряв, возмечтал я: «Себя на труды обреку.
Буду строить дома, и высаживать парки...et cetra».
Кружит голову маслом эфирным лимонная цедра...

Мчится жизни река – я стою на её берегу.

Пророки

Я трудный путь прошёл, дружок,
Жил без любви, надежд и веры,
Но в 46 свершил прыжок,
Душой прорвавшись в стратосферы.

Неизв. автор

Почти что не жил, а не то что бы молод,
И крошится жизнь чёрно-бело долями.
Я к шпалам свой рельс пригвозжу костылями.
Звенят костыли, принимая мой молот.

Поленница шпал, рельсы стянуты в связки –
За годы прогон я отстрою «скайвэя»
И запах мой пота – кровавый и вязкий –
Не смогут стереть ароматы шалфея.

Наверх я отправлюсь – и конь, и возница –
Где музыка сфер и обитель смиренья.
Меня не прельщает в ладонях синица –
Ищу я на небе любви и прозренья.

Мерцают на шпалах моих креозотом
Запёкшейся крови чернёные пятна.
Душой прикоснулся я к горним высотам.
Мне только вперёд – и никак на попятный...

Внизу копошенье – камлают, пророчат.
Слова пролетают, Судьбы не касаясь.
Но, всё же, себя в мудрецы они прочат,
На небо открыто взглянуть опасаясь.

И тут мне один намекнул в разговоре –
Цивильный сюртук и «селёдка» на шее –
«Вертайся, Серёга – мы нынче в фаворе.
А к завтрему будет ещё хорош*ее*»...

Не дастся им Слово – и чуда не ждите.
Сбирает с доверчивых граждан оброки
Фальшивый оракул... А что вы хотите?
Какая эпоха – такие пророки...

Шизгаре

Улетели стрижи, хотя жаркое лето в разгаре.
Тишина в небесах, и средь золота спеющей ржи
Заполняется утро безмолвное песней «Шизгаре»,
Истекающей с ретроканалов в формате 3G.

Сразу вспомнилось всё: и гулянье по Невскому ночью –
Ощущение лёгкое, будто над миром лечу –
И увиденный мной зеленеющий Пётр воочию,
И каштановый «хайер», текущий волной по плечу.

И как мы веселились в «Сайгоне», коктейлей напившись –
Да так шумно и «зло», что оттуда нас гнали взашей,
Как, в общаге по сто человек в комнатёнку набившись,
Танцевали всю ночь напролёт немудрёный свой шейк.

Всё прошло. Я в избушке живу без железной ограды.
У меня во дворе «лисапед», а не импортный «бенц».
Жизнь я честно прожил и не требую, в общем, награды.
Я российский простой – из далёкой провинции – «пенс».

Моя жизнь удалась, хоть мой род не из «пэров» и «донов» –
В уголке моего огорода кизил и ирга.
Но по-прежнему скачет по сценам главарь «Ролингстонов».
Кто бы мог ожидать такой прыткости от старика?

Он из тех, кому зал рукоплещет, скандируя: «Браво!»
Я ведь тоже – поверь мне – не прочь от души поскакать.
Но мешают дела – в моём доме детишек орава.
Я строгаю из дуба для зимней охоты рогать.

Не спеша, вместе с жизнью вперёд мы плетёмся шкандыбо.
В мои годы, всё бросив, куда-то бежать – на фига?
Если ж песенка та зазвучит – всё встаёт во мне дыбом
От простецкой мелодии, сделанной, знать, на века...

Прости

Не виноват, но ты меня прости.
И я прощу, хоть ты не виновата.
Но боль прожгла до костяной ости –
И не пойму, как смог перенести
К тебе прикосновений грязных хвата.

Душою пуст, как барабан пустой –
Своих страстей заложник и невольник –
Он смог греха верёвочкой простой
Связать нас в нелюбовный треугольник.

Не виновата, но тебя прощу.
Не виноват, но попрошу прощенья.
Из прочной ткани я сплету пращу –
Придётся старенькому послужить плащу
Моей Любви орудием отмщенья.
И ринусь в бой, как ходят старики...

Скрепив свой плащ булавкою аграфа,
Я вдруг остыну, смыслу вопреки,
И на него не подниму руки,
Как поднимал Давид на Голиафа.

Его прощаю. Что с него возьмёшь?
Он даже осужденья не достоин.
В его словах звучит сплошная ложь.
Ему цена в базар – дырявый грош.
Он худ душой и никудышный воин.

Ушёл он с миром, сам себя судя.
Пусть будет так. Он явно третий лишний.
А я навзрыд заплакал, как дитя,
Что чуть не потерял – не обретя –
Твою любовь. Меня прости, Всевышний!

Твоей любви достоин я вполне.
И ты моей любви достойна тоже.
Виденьем вещим сон пришёл ко мне –
Как мы с тобою плещемся в волне
Реки Любви. Да сохрани нас, Боже!

Истина истин

А у нас, как всегда – «дураки и дороги».
Вдоль дорог колосится полынь-лебеда.
Притаились в тени кабаки и остроги.
Вот такая извечно в России беда.

И ещё на Руси воровство повсеместно.
Утащил, что под руку попало – и горд.
Вот уж тысячу лет воровство – как известно –
Всенародные наши забава и спорт.

На Руси никогда не внимали пророкам.
Так сложилось – в России беда от ума.
Невозможно пытаться здесь жить по зарокам –
Будет ждать за углом вас тюрьма да сума.

И надежда на к лучшему сдвиг иллюзорна –
Дух реформ тут по кругу веками витал...
Быть в «стране дураков» дураком не зазорно.
Эту истину истин я с детства впитал.

Стихи и стихии

В наших душах отлив обнажил неликвиды.
Черти газ поддают, прогревая тандыры.
А чтоб вверх улетали угара флюиды,
В тверди неба просверлены «чёрные дыры».

Жупел глотку свербит – слой защитный продрелен,
Словно доски весною под устья скворечен.
Я поэт – и давно должен быть бы расстрелян.
На худое – хотя бы отравлен, повешен.

Но я жив вопреки прописному поверью
И смотрю на себя – взгляд мой потусторонен.
Дух свой падший спасая в соборах под Тверью,
Вижу демонов древних сквозь склепы в Вероне.

Досконально я ими, дружище, изучен –
Им «стучит» специально обученный гоблин.
За моею спиной приговор мой озвучен,
И палач к исполненью его подготовлен.

Смерть за мною впритык. А за тонкою гранью
Жизнь. Та грань отделяет живот мой от смерти.
Я рванул в неизвестное утренней ранью.
Пели ангелы чёрные реквием Верди.

Грань прорвал я и буду расстрелян едва ли.
И повешен я тоже не буду, пожалуй.
Средь цветущих Болоний, Провансов, Вестфалий
Я бреду одиноко – уставший хожалый.
Мне с трудом удалось эти годы лихие
Пережить – я не вор, не разбойник, не ландскнехт.
Я в пространство стремлюсь, где стихи и стихии…
Это Русь.
Там светло и… Божественно пахнет!

Memento mori

Не спал я – опять почему-то не спится.
Сквозь зеркало отблеском древних мистерий
Ворвалась ко мне в комнату чёрная птица,
Как сгусток неведомых тёмных материй.

Мерцал на экране таинственно «Google».
Встряхнувшись до костного хруста – знать ломка –
Неспешно литовку поставила в угол
В курном балахоне до пят незнакомка.

Я вздрогнул и понял – финал неотложен,
Потрачены жизни мгновенья без толка.
И мой монолог с нею был односложен:
«Ты ангел и, значит, заложница долга.
Так действуй, как должно – не будь идиоткой»…

Мы ночь напролёт, не смолкая, «трындели»
С забредшей ко мне сердобольною тёткой –
Внезапною смертью под утро в постели…
…«как звать тебя, дева?» – «Астарта-Кибела».
Мы плыли по Стиксу в Хароновой лодке.
В душе моей песнью забытой вскипело
«Memento…», от страха застрявшее в глотке.